

УДК 930.2

ИСТОРИЯ ИДЕЙ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ХРИСТОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ В ВИЗАНТИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

А.В. ЛЕВИТСКИЙ

Уральский федеральный
университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина

e-mail: andrewlevi@rambler.ru

В статье анализируются методологические основания истории идей на примере историко-философских концепций Артура Лавджоя, Робина Коллингвуда и их критиков и обосновывается попытка предложить методологию истории идей в качестве основания для новых подходов к изучению проблематики идейно-религиозных споров в Византии на примере христологических споров V в. и богословских сочинений св. Кирилла Александрийского.

Ключевые слова: история идей, византийская философия, богословие, христологические споры

Религиозные споры в Византийской империи в эпоху поздней античности неоднократно становились предметом исследования византинистов, церковных историков и богослов. Тем не менее, проблематика споров остается по-прежнему актуальной для исследователей, хотя в последние десятилетия акцент сместился в сторону анализа философско-богословских сочинений отдельных представителей данной эпохи и их вклада в становление христологической доктрины восточной Церкви. В настоящей работе делается попытка предложить историю идей в качестве методологической базы для новых подходов к изучению идейно-религиозных споров в Византии в V в., в частности, анализа христологической проблематики философско-богословского наследия св. Кирилла Александрийского и событий, связанных с рецепцией решений Халкидонского собора 451 г.

История идей в качестве отдельного направления исторических исследований формируется на рубеже XVIII-XIX вв. как своеобразная реакция на разрушение идей естественного права, изменение отношения к прошлому и утверждение принципа самоценности истории¹. В начале XX века наиболее значительное влияние на развитие истории идей оказал Артур Лавджой, профессор философии американского университета им. Джона Хопкинса. Он закрепил в науке сам термин «история идей», а также выступил основателем и первым редактором «Journal of the History of Ideas», который должен был служить своеобразным форумом для общения, консультаций и критики между учеными в области гуманитарных дисциплин, в особенности философии и истории². Лавджой стремился к тому, чтобы преодолеть традиционные границы между исследователями, вывести интеллектуальную историю за пределы национальных и языковых рамок. Он был убежден, что дисциплинарные границы являются условными и между историческими явлениями существует гораздо больше связей, чем предполагается в рамках определенной дисциплины. Предложенная им стратегия изучения истории идей должна была стать связующим звеном в этом междисциплинарном пространстве.

Как в России, так и за рубежом, А. Лавджой наиболее известен благодаря своим магистральным трудам «Великая цепь бытия»³ и «Очерки по истории идей»⁴. Од-

¹ Орнатская Л.А., Лузина Т.И. Историзм и история идей // Философский век. СПб., 2001. Вып. 17. Ч. 1. С. 191.

² Lovejoy A.O. Reflections on the History of Ideas // Journal of the History of Ideas. 1940. Vol. 1. P. 6-7.

³ Lovejoy A.O. The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea. Cambridge, Mass., 1936. Русский перевод: Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001.

⁴ Lovejoy A.O. Essays in the History of Ideas. Baltimore, 1948. 359 p. Первый из опубликованных в книге 16 очерков существует в русском переводе: Лавджой А.О. Историография идей // История фило-

ним из ключевых положений, которое он последовательно развивал в этих и ряде других своих работ, была концепция «идей-единиц», которые историк может проследить в различных областях знания. Любое крупное учение или система содержит в себе феномен или несколько феноменов, которые являются своего рода элементарными, базисными частицами учения, но в тоже время более глубокими, чем общее представление. Разнообразие и сочетание этих базисных элементов придает общему учению комплексный и оригинальный характер. Лавджой отмечал необходимость поиска и изучения не обобщенных систем, а именно «идей-единиц», прослеживая историю и трансформацию которых исследователь способен сделать определенные выводы об их воздействии на ход интеллектуальной истории⁵.

Предложенная Лавджоем концепция вызвала множество критических отзывов, большая часть которых, однако, касалась неточностей в представлении и осмыслении философских и исторических явлений античности и средневековья⁶. Тем не менее, методологическая сторона работ Лавджоя также была воспринята неоднозначно. Наибольший интерес для нас представляет критика со стороны представителей исторической методологии «контекстуализма», для которых идеи выполняли кратковременную исполнительную функцию и не являлись чем-то вечным и перетекающим. Кроме того, они подчеркивали отсутствие четко обозначенного исторического контекста функционирования и развития идей в работах Лавджоя.

Одним из первых с подобными замечаниями выступил Лео Шпитцер в конце 1940-х гг.⁷, однако наиболее видным оппонентом Лавджоя позднее стал Квентин Скиннер, которого называют в числе основателей «Кембриджской школы» политической философии. Уже в своих ранних работах Скиннер полностью отвергал представление об «идеях-единицах» и настаивал на необходимости сконцентрировать все внимание на изучении споров, противоречий и дискурсов, возникших в специфическом историческом контексте. Задача историка при изучении идей, по мнению Скиннера, состоит в том, чтобы выявить определенную проблему, которая породила споры и аргументы сторон или повлияла на развитие новых интеллектуальных школ. Для этого необходимо проникнуть вглубь аргументов рассматриваемой исторической эпохи для того, чтобы понять их значение и подлинные намерения авторов изучаемых текстов. Помимо пристального внимания к специфическому контексту Скиннер обращает внимание исследователей на особенности языка, который использует автор для выражения своих идей. Таким образом, в фокусе исследования оказываются не значение идей, а их языковое выражение и употребление⁸.

Попытки переосмысления взглядов А. Лавджоя и его критиков предпринимались неоднократно⁹. С одной стороны, историки и философы отмечают, что в поздних своих работах, например в «Размышлениях о человеческой природе», Лавджою удалось вполне убедительно показать трансляцию и трансформацию идей-единиц сквозь эпохи вплоть до современности¹⁰. Несмотря на то, что он признавал автономное существование идей вне зависимости от меняющегося окружения, он осознавал особенности проявления и функционирования идей в определенной исторической

софии. М., 2005. Вып. 12. С. 159-168. См. также предисловие переводчика: Хлуднева С.Ю. Об очерке Артура Лавджоя «Историография идей» // Там же. С. 153-157.

⁵ Mandelbaum M. On Lovejoy's Historiography // *History of Ideas: An Introduction to Method* / Ed. P. King. Totowa, NJ, 1983. P. 198-205.

⁶ Общий обзор представлен в: Wilson J.W. Lovejoy's "The Great Chain of Being" after Fifty Years // *Journal of the History of Ideas*. 1987. Vol. 48. P. 187-206.

⁷ Spitzer L. Geistesgeschichte vs. History of Ideas as Applied to Hitlerism // *Journal of the History of Ideas*. 1944. Vol. 5. P. 191-203.

⁸ Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. 1969. Vol. 8. P. 34-36, 37.

⁹ *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics* / Ed. J. Tully. Princeton, 1988. P. 176-193; Levine J.M. *Method in the History of Ideas: More, Machiavelli, and Quentin Skinner* // *Annals of Scholarship*. 1986. Vol. 3. P. 37-60.

¹⁰ Lovejoy A. *Reflections on Human Nature*. Baltimore, 1961.

Методология истории идей, на наш взгляд, позволяет избежать односторонних или слишком обобщенных суждений в оценке этого периода. Классическим примером первого, пожалуй, является христологическая парадигма «Логос-плоть», разработанная немецким богословом кардиналом Алоисом Гриллмайером, который в своем фундаментальном исследовании «Иисус Христос в христианской традиции» стремился подвести развитие всей восточной богословской мысли под эту концепцию. Он полагал, что объяснить большинство противоречий между мыслителями поздней античности можно, исходя из особенностей антропологии и христологии богословских школ Антиохии и Александрии, в зависимости от того, на чем делался акцент в соответствующей традиции мысли – божественной или человеческой природе Христа¹⁵. Несмотря на стройность, логичность и определенное удобство принципа «Логос-плоть», этот подход является совершенно искусственным и, в определенном смысле, искажающим богословскую мысль рассматриваемого периода¹⁶.

В то же время, упомянутая ранее фигура св. Кирилла Александрийского, труды которого сыграли ключевую роль в христологических спорах как до Халкидонского собора, так и после него, представляет особую значимость в контексте истории идей. В данном случае, методология истории идей позволяет нам взглянуть на его богословское наследие с разных сторон. Во-первых, предостережение Лавджоя от излишнего обобщения идей оказывается весьма оправданным. У св. Кирилла отсутствует систематическое изложение богословских взглядов, которое можно было бы сравнить, например, с трудами преп. Максима Исповедника или св. Иоанна Дамаскина. Во-вторых, терминология святителя представляет еще одну сложность для исследователей. Во многом по причине особенностей употребления св. Кириллом ключевых богословских понятий «ипостась», «природа», «лицо» и «сущность» и возник глубокий богословский конфликт и церковный раскол в середине V в.¹⁷

В этой связи, богословские труды св. Кирилла следует рассматривать не столько в общем внешнем контексте религиозной полемики и борьбы с ересями, сколько в контексте внутренней христологической мысли самого св. Кирилла. Заимствованная им у Аполлинария Лаодикийского формула «единая воплощенная природа Бога-Слова» также приобретает свое реальное значение и смысл в трудах св. Кирилла, если обратиться прежде всего к анализу и особенностям использования святителем богословской терминологии, начиная с экзегетических сочинений и трудов, посвященных анализу Евхаристии, где его мысль наиболее ясно и логично выражена¹⁸. В конечном счете, именно его главная библейская интуиция, что для спасения человечества необходимо было воплощение Самого Бога-Слова и восприятие поврежденной грехом земной человеческой природы, определяла весь тон и содержание его трудов.

Таким образом, нам представляется необходимым подчеркнуть значение методологии исследования истории идей для анализа проблематики христологических споров в Византии в эпоху поздней античности. Целостное и критическое использование данной методологии позволит исследователю выйти на уровень комплексного междисциплинарного исторического, философского и богословского анализа, значительно расширить базу источников исследования и переосмыслить характер становления восточнохристианского богословия.

¹⁵ Grillmeier A. *Christ in Christian Tradition: From the Apostolic Age to Chalcedon (451)*. L., 1965.

¹⁶ Последовательная критика представлена в работе: Welch L. "Logos-Sarx"? Sarx and the Soul of Christ in the Early Thought of Cyril of Alexandria // *St. Vladimir's Theological Quarterly*. 1994. Vol. 38-3. P. 271-292.

¹⁷ Young F. *From Nicaea to Chalcedon*. L. 2010. P. 298-300; Koen L. *The Saving Passion: Incarnational and Soteriological Thought in Cyril of Alexandria's Commentary on the Gospel according to St John*. Uppsala, 1991. P. 19-23;

¹⁸ Edwards M. *Catholicity and Heresy*. L., 2009. P. 152-166.

HISTORY OF IDEAS AS THE METHODOLOGY FOR THE STUDY OF CHRISTOLOGICAL CONTROVERSIES IN THE LATE ANTIQUITY BYZANTIUM

A.V. LEVITSKIY

*Ural Federal University,
named after B.N. Eltsyn, Ekaterenburg*

e-mail: andrewlevi@rambler.ru

The article analyses methodological foundations of the history of ideas through the study of the historico-philosophical concepts of Arthur O. Lovejoy and Robin G. Collingwood and their critics. The methodology of history of ideas is then suggested as the research basis for the new approaches of studying the ideological and religious debates in Byzantium by the example of Christological controversies of the fifth century and theological works of St Cyril of Alexandria.

Key words: history of ideas, Byzantine philosophy, Byzantine theology, Christological controversies